

УДК 81.42
Doi 10.26456/vtfilol/2023.2.100

К ДОСОКРАТИЧЕСКОМУ ПЕРИОДУ РИТОРИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Л.Г. Васильев¹, Н.В. Мельничук²

¹Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

²Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь

Характеризуется ранний период возникновения и развития риторики в Др. Греции. Рассматриваются методологические принципы описания становления риторики, анализируется софистическое направление и его дидактические постулаты, дается краткий анализ подходов Антифона и Горгия.

Ключевые слова: *риторика, до-сократики, софистика, аргументация, дидактика.*

Теоретические и практические изыскания в риторике как науке о коммуникативном воздействии и взаимодействии следует проводить в опоре на анализ ее истоков, включая и внутринаучные разработки, равно как и на научную картину мира в целом – вкупе с историческими условиями. Такими истоками могут быть как собственно научные узкодисциплинарные наработки, так и общий научный фон в разные исторические периоды развития исследуемой дисциплины. Например, в отношении риторики полезно учитывать некоторые моменты историко-социального и общедискурсивного порядка.

Специфика демократии в Афинах была результатом ряда политических изменений за более чем двухсотлетний период: ограничение срока полномочий правителей, их избрание на должность, создание выборного совета, распространение права голоса и права занимать должности на более бедные классы граждан, расширение использования жребия, а не голосования при выборе должностных лиц, и положения о судебном разбирательстве перед большим, демократически избранным жюри присяжных, имеющим право определять как закон, так и факт. Минимальный состав афинского жюри присяжных такого рода составлял 201 члена, а процедура в суде состояла в основном из речей истца и ответчика, каждая из которых представляла собой непрерывное обращение к присяжным. В течение полутора столетий от Солона до Перикла афинские граждане имели все больше возможностей и нуждались в том, чтобы выступать в совете, на собрании всех граждан и в судах, но у них было время развить эти навыки путем наблюдения, подражания и экспериментирования, и, похоже, никакого

кризиса в образовании не произошло. С другой стороны, в Сиракузах на Сицилии демократия по афинскому образцу была введена внезапно в 467 году до н.э. Граждане оказались вовлеченными в судебные тяжбы по поводу владения имуществом или по другим вопросам и были вынуждены самостоятельно рассматривать свои дела в судах. Нигде в Греции не существовало профессии юриста, защитника или покровителя коллегии адвокатов. Необходимость выступить в демократической ассамблее Сиракуз была менее насущной, но возможности для политического лидерства стали включать в себя навыки публичного выступления таким образом, который ранее не был очевиден. Несколько умных сицилийцев разработали простые приемы (греческое *techné* означает «искусство») для эффективной презентации и аргументации в судах и за определенную плату обучали им других. Согласно более поздней традиции, двумя ведущими учителями были Коракас, чье имя означает «ворон», что вызывало различные каламбуры, и немного более молодой, более известный учитель, возможно, ученик Коракаса, по имени Тисиас.

Названные условия в Др. Греции предусматривали ее демократическое устройство, проявлявшееся, в частности, в отсутствии кодифицированной юридической системы (а, соответственно, профессиональных юристов) требовали, чтобы обвинения и иски предъявлялись самими гражданами или их представителями в общественном суде присяжных. То же касалось защиты; отсюда интерес к развитию искусства красноречия и аргументирования как симбиоза (логосного+этического+пафосного) речевоздействующего семиотического компонента убеждающей речи. Неопределенные ситуации часто решались совещательным методом, предусматривающим публичные дебаты (см.: [2; 3]). Они проводились на основании мнения, состоящего в том, что ни одна из сторон (вне зависимости от социального статуса) не вправе заранее гарантировать себе право на истину, а также в том, что все стороны стремятся к разрешению спорного вопроса. Учет общественного мнения предусматривал необходимость взвешивания всех аргументов и принятие наиболее убедительного. Иначе говоря, речь шла о поиске не компромисса (уступок), а консенсуса, который предусматривал установление очевидности основных доводов при условии прояснения спорных вопросов и проверки предложений аргументацией. Аудитория принимала активное участие в обсуждении, сравнивая убедительность позиций сторон, и задачей было нахождение баланса – как для непосредственных участников, так и для уклада полиса. Результат голосования становился принятой социальной истиной, нормой (не имеющей отношения к истине объективной).

Появление искусства, а впоследствии и науки риторики в Др. Греции и дальнейшее ее развитие в раннем, среднем и позднем европейском Средневековье определялось также научным климатом и

было изначально неотделимо от ориентации риторики на философские, общенаучные и естественно-научные достижения.

В Древнем Средиземноморье и на Древнем Востоке проведению научных изысканий власти обыкновенно не препятствовали; что же касается Ср. Веков в Европе в VII–X вв. (Тёмные Века – см.: [8]), то в этом регионе наблюдался упадок наук; это не в последнюю очередь связано с закатом влияния уже распавшейся Римской империи, с заселением запада Римской империи потомками безграмотных варваров, не имевшими сложившейся научной картины мира или хоть какого-то ее подобия, с развитием сельскохозяйственной ориентации стран и со становлением феодализма в целом; науки в западной Европе постепенно переместились в монастыри (вплоть до появления там в XII в. свободных университетов [10]) – ср. ордена францисканцев и доминиканцев, а свободные изыскания не-религиозного и не общеполитического плана предпринимались лишь спорадически и системно преследовались; возрождение же интереса к научным исследованиям произошло уже после XII в. – в основном, в эпоху европейского Возрождения.

Обратимся теперь к общим характеристикам дискурса, сложившегося в ментально-вербальной атмосфере древнего Средиземноморья.

Неизбежным предвестником риторического дискурса следует считать наличие вполне специфического дискурсивного «фона». Дискурсивная практика в своем изначальном виде – это практика нарративная. Она обрела существование в Др. Греции, когда население жило разобщенно, не в городах, образуя сообщества. Потребность в общении требовала следования нормам и традициям. Эти конвенции закреплялись в преданиях и мифах, в которых путь к победе добра над злом во многом знаменовал ориентационные поведенческие стратегии людей.

Экспликация же норм должна, по-видимому, учитывать, что сами нарративные комплексы обладают конкретикой и сюжетным скелетом. Нарративный комплекс, вполне естественно, эксплицируется в нормативном виде, т. е. связан с ценностями и ожиданиями аудитории; он служит передатчиком норм и не противостоит им. Поэтому нарративный дискурс в его традиционном виде не обладает рефлексивной природой, потому что не нацелен на анализ и сомнение в мифологемах, составляющих его основу.

Сам же способ рассуждения в нарративах основывался на историях или эпизодах из жизни: они проецировались на реальное и грядущее с неременной ориентацией на принцип следования хорошим примерам и неприятия плохих.

Нарративный дискурс как исток всех иных одновременно фундирует и противостоит диалектическому, логическому и риторическому (в их темпоральном со-существовании).

Диалектический дискурс восходит к Платону; согласно ему поиск истины, отсутствующей в верованиях людей, осуществляется с помощью вопросно-ответного метода. Это диалогическое общение именуется 'диалектическим': на основе некоторых исходных посылок предлагаются возражения выдвигаемым сомнительным тезисам до тех пор, пока эти возражения не будут опровергнуты или пока исходный тезис не заменится новым. Предлагается понятие возможных миров, где используемые послылки принимаются за истинные. Помимо этого, диалектика не предлагает уместных действий в соответствии со своим набором истин – ведь во внимание не принимаются мотивы субъектов.

В диалектике предусмотрено столкновение конфликтующих идей (фундаментально-философских, по преимуществу – об основных принципах жизни) и далее, делается призыв к реципиентам концептуализировать эти принципы, а материальное существование рассматривать в «надстроечном» плане, как основывающееся на них. Реальное отношение к жизни у таких сентенций весьма проблематично.

Логический (берущий системное начало в логике Стои и, далее, в «Аналитике» Аристотеля) связан с дедуктивным методом (силлогистикой), понятием истинности и, преимущественно, с точными науками. В речевой практике рассуждения логические методы практически не используются.

Риторический дискурсивный подход дает возможность преодолеть малую применимость диалектического и логического. Человеческое поведение основано не только на рациональном, но и на психологическом факторе, где задействованы ценности и эмоции, когда зачастую невозможно найти очевидного правильного нормо-ориентированного способа поведения.

В наших последующих рассуждениях мы обратимся к периоду становления риторики в ее сицилийско-аттическом варианте пресоократиков (V в. до н.э.). Пособия по риторике, дошедшие до нас (точнее, до Западной Европы) и доступные с V в. до н.э., можно считать наиболее полно концептуализированным выражением дидактической риторики того времени. Не будет ошибкой утверждать, что эти пособия являются прямыми предками большей части работ по риторике в классические и в более поздние времена. Однако справочники (см.: [2]) были не единственным источником навыков для тех, кто хотел научиться публичным выступлениям и аргументации. Многие из таких желающих продолжали следовать не предлагаемым разработкам, а старой традиции подражания успешному оратору, которая осуществлялась практически без осознанной рефлексии над используемыми приемами, и такой подражательный метод стал характерной формой изучения риторики в исследовательско-педагогическом направлении, которое можно условно назвать школами софистов.

Слово *софист* происходит от прилагательного *σοφιστής*, означающего *мудрый*, и может быть переведено как *специалист*. В V в. до н. э. Протагор и другие риторы использовали этот термин для идентификации себя как представителей определенной профессии. Софисты были независимыми исследователями и преподавателями для тех, кто желал добиться успеха в гражданской жизни греческих городов-государств. Большинство софистов не были афинянами, но афинская молодежь составляла их основную клиентуру. Они преподавали главным образом путем публичного или частного декламирования речей, в которых в яркой форме излагались их идеи и методы доказывания. Некоторых из ведущих софистов, например, Протагора, можно по праву считать философами, которые развивали идеи и публиковали трактаты по тому, что мы могли бы сейчас назвать эпистемологией, антропологией, лингвистикой и почти всем, что связано с человеческой жизнью и верой. Другие были не более чем учителями приемов аргументации или акцентирования внимания.

Ключевым вопросом в их изложении часто была противоположность между тем, что греки называли *φύσις* (*physis*), или природой (т. е. тем, что объективно истинно и физически наблюдаемо), и *νόμος* (*nomos*), что означает *закон* – все созданные человеком институты и условности. Изложение софистами парадоксов и противоречивых моральных взглядов, предпринимаемое в энергичной, а зачастую и в просто вызывающей форме, продемонстрировало потенциал риторики для осуществления социальных изменений, а также для (аморального) самовозвеличивания. Представляется в связи с этим, что дальнейшее – в Средние века – выведение риторики из сферы внимания собственно науки связано не в последнюю очередь с забвением названной греческой дихотомии, фактическим отрицанием субъектного фактора в рамках физикализма, чего несложно было бы избежать, оставив названное разведение, тем более, что в конце концов это и случилось в новейшее время при демаркации естественных и социогуманитарных дисциплин. Сама странность господства в науке собственно физикализма может в известной мере быть связана со своеобразным ‘когнитивным протестантизмом’ в «просвещенной» Европе того времени – но это, конечно, вопрос отдельного изучения.

Что именно происходило в школах софистов, т. е. работали ли они по планам и какими дидактическими стратегиями пользовались, доподлинно не известно, но центральным занятием, безусловно, было прослушивание выступлений софиста или *чтение* версий его речей с последующим запоминанием или имитацией – воспроизведением этих речей в качестве моделей. Некоторые из этих моделей были во многом полезны для человека, готовящегося к выступлению в суде; другие же носили в большей мере амбициозный и красочный характер. Самым ранним примером первого типа и лучшей иллюстрацией того, как

судебному ораторскому искусству можно научиться из софистических образцов речей, являются Тетралогии Антифона (Антифонта).

Антифон.

Антифон, предполагаемый автор этих речей, по всей вероятности, был олигархическим политиком, которого казнили в результате провала революции 411 года до н. э. в Афинах. Если это так, то он также является автором трех сохранившихся речей, написанных для клиентов на процессах по убийствам в Афинах; возможно, также что он был человеком, известным как Антифон Софист, автором трактата под названием «Об истине» (см. подробнее: [5]).

Сами Тетралогии представляют собой три набора из четырёх речей, две для обвинения и две для защиты в каждом случае, в воображаемых судебных процессах по афинским законам об убийствах. Они были составлены в третьей четверти 5 в. до н.э. и были явно предназначены для того, чтобы служить образцами эффективных приемов судебного ораторского искусства. При этом имитационный характер речей касался имитации не проблемы (ситуации моделировались в явной ориентации на частотные 'кейсы' в юридической практике), а собственно обстановки слушаний. Именно поэтому названные наборы и являются значимыми для анализа.

Ситуация, представленная в первой речи Тетралогии, выглядит следующим образом. В безлюдном месте был убит человек. Сопровождавший его раб также подвергся нападению и умер через некоторое время от ран, заявив, что убийцей был человек, который впоследствии предстал на судебных слушаниях в качестве обвиняемого. Ни одному из персонажей Тетралогий не дано никаких имен. Судебное разбирательство по подобному делу проводилось бы в Ареопаге, древнем совете с судебными полномочиями, состоящем из всех бывших архонтов (высших должностных лиц в древнегреческих полисах); сложно оценить число тех, кто служил в Ареопаге, но это вполне может быть сотня человек или даже больше. Поскольку в Афинах не было государственного обвинителя, уголовные иски возбуждались любым, кто чувствовал себя обиженным. В судебных процессах по делу об убийстве это обычно был близкий родственник покойного. В данном случае обвинитель утверждает, что обеспокоен риском бунта, который может произойти в городе, если убийце будет позволено выйти на свободу.

Обвинитель начинает свою речь с изложения альтернатив относительно характеристик предполагаемых убийц. Затем он излагает вероятные кандидатуры убийц. Далее оратор продолжает свое развитие вероятностей, затем добавляет показания раба в качестве их подтверждения и, наконец, резюмирует то, что он сказал, и подчеркивает важность изгнания обвиняемого из города. Речи в греческих судах иногда были довольно короткими, но эта модель, не имеющая большого материала для усиления убедительности, особенно коротка. В частности,

настоящая речь включала бы в себя повествование; здесь же у нас есть только вступление (proemium), доказательство из вероятностей, свидетельства и эпилог.

Во второй, уже защитной, речи в той же Тетралогии обвиняемый оперирует вышеприведенным аргументом. По афинским законам он обязан защищать себя, и он отвечает, не соглашаясь с кузальным доводом обвинителя о том, что маловероятно, что человек, бродящий среди ночи, мог быть убит за свою собственность. Не соглашается он с мотивационным доводом, используя тот же принцип вероятности – если нападавшие не унесли вещи жертвы, то это, вероятно, потому, что убежали в страхе перед кем-то, кто приближался: убийцы были вполне благоразумны, чтобы предпочесть выгоду, а не свою безопасность.

Далее он выдвигает альтернативы мотива убийства и отвергает показания раба, который указал на обвиняемого, на трех основаниях, двух личностных и одном социальном: (1) что в страхе за свою жизнь даже будучи тяжело раненым, но благоразумным, раб вряд ли назвал бы убийцу; (2) в своем предсмертном состоянии, опять-таки, исходя из благоразумия, он, скорее всего, согласился бы на что угодно, чтобы угодить семье своего хозяина – чтобы получить лечение; (3) по афинскому законодательству показаниям рабов нет доверия (если только они получены не под судебной пыткой).

Аргументация в других тетралогиях аналогична и основана также на принципе вероятности.

Тетралогии Антифона являются примерами формы риторического обучения, которая процветала в Афинах. В нашем случае это аргументация на основе вероятности, как показано в Тетралогиях, а сама эта техника была зафиксирована и концептуализирована в справочниках V в. до н.э.

Ученики софистов не обязательно запоминали и воспроизводили *только* целые речи. Точно так же, как композиция устной поэзии и ораторское искусство в ней были построены из блоков заученного материала, адаптированного к различным ситуациям, так и софистическое красноречие было в значительной степени стилизацией или соединением общих мест (топосов), длинных или коротких [7]. Такие топосы были своего рода опорными-заготовками, моделями для разных типов ситуаций. Топосы представляют собой частные стандартизированные аспекты рассмотрения любой темы. Вообще, топосы – это ценностные суждения, принимаемые как оратором, так и аудиторией. Примерами топосов могут служить, например, *Определение* (что есть что; кто есть кто); *Целое – Части*; *Род – Вид*; *Свойства – Качества – Характеристика*; *Противоположность*; *Имя* (рассуждение о названии).

Горгий

Общепризнанным фактом можно считать то, что среди софистов самым известным в истории риторики является Горгий (Γοργίας; около 480 года до н. э., Леонтины, Сицилия), чья жизнь длилась примерно по 375 год до н.э. Горгий был уроженцем греческой колонии на Сицилии, недалеко от Сиракуз и получил блестящее, по тем временам, образование и воспитание (что, впрочем, было неразделимо). Предполагается, что он был учеником философа, жреца и врача Эмпедокла (основателя школы ораторского искусства в Сицилии), учителем Исократа и, возможно, был знаком с Кораком или даже с Тисием, известнейшими законодателями софистического образовательного бонтона того времени. В 427 г. власти города отправили его послом в Афины, где его замечательный и в существенной мере необычный ораторский стиль за сравнительно короткое время стал весьма модным.

Хотя приемы, которые он использовал, были в основном заимствованы из греческой поэзии (как и было принято в те времена у риторов) и по отдельности могли быть найдены на аттическом греческом (т. е. языке Афин) и до его прибытия, не будет преувеличением утверждать, что он использовал их в беспрецедентной степени. В устах Горгия ораторское искусство всецело отвечало ориентации на то, что позднее в римской риторической канонической пентаде было названо *actio*, и в его конкретном случае превратилось, пользуясь его же таксисной техникой, в дискурс ‘переклички рифмующихся слов и перекликающихся словесных ритмов’.

Антитетическая структура, присущая др.-греческому синтаксису, стала у Горгия *idée fixe*. Сам антитетический принцип, т. е. структура с антитезисом, хотя и основан на логическом принципе противопоставления, требует не только наличия противоположных идей, но и лингвистического обеспечения – т. е. того, чтобы оппозиция в разных частях текста репрезентировалась посредством сходной (как в качественном, так и в количественном отношении) грамматической структуры. Предложения были построены с постоянным параллелизмом и вниманием к соответствующей длине, вплоть до выравнивания количества слогов в каждом. В качестве иллюстрации можно привести следующий в известной мере вольный (и, конечно, несовершенный уже по причине сугубо внутренне-языковых расхождений) перевод отрывка описания Горгием Елены Троянской:

Рожденная из такого рода, она обладала божественной красотой.... Во многих она проявила большое желание к своей любви, и ее несравненное тело стало причиной объединения многих тел людей, думающих о великих мыслях ради великих целей, из которых некоторые обладали величием богатства, некоторые славой древнего дворянства, некоторые силой личной ловкости, некоторые владением

приобретенными знаниями. И все это произошло из-за страсти, которая любила покорять, и непокоренной любви к чести. ...

Такую особенность построения текста принято называть 'горгиевым стилем'. Конкретные модели, на которых этот стиль основан, называются 'схемы', или 'фигуры'. Описания этих фигур встречаются в риторических трактатах уже в 4 в. до н. э. Более поздние авторы продолжали рассматривать фигуры Горгия как группы (говоря современным языком, фразовые/синтаксические комплексы) и часто считали их несколько неуклюжими. Во времена же самого Горгия им широко подражали – например, историк Фукидид, оратор Лисий и ритор Исократ, но, конечно, с большей сдержанностью, чем их создатель. Сам же Горгий в филологическом отношении был не оригинален, поскольку, как уже было сказано, позаимствовал фигуры из поэзии, где все они встречаются до его времени, хотя употребляются обычно в несколько иной, более сдержанной плотности. Это период первого развития художественной (а именно в этом, как представляется, состоит специфика до-сократической риторики) прозы на греческом языке, и неудивительно, что поэзия послужила образцом для стиля.

Столь пристальное внимание к фигурам и их прагматический смысл у Горгия определяется, по-видимому, несколькими факторами. Во-первых, нельзя исключать стремление Горгия привлечь к себе внимание как к учителю речи – даже при том, что он был одним из самых обеспеченных людей того времени и не нуждался в деньгах настолько, насколько они требовались другим до-сократикам. Во-вторых, логично предположить – хотя бы уже в силу упомянутого социального статуса – наличие определенных амбиций, которые позволяли Горгию ощущать себя выше остальных риториков. Наконец, в методологическом плане можно считать, что Горгий следовал некоей еще не оформившейся, но, несомненно, глубинной 'теории' речи. Так, крупный авторитет в области античности Ж. де Ромилли утверждает, что Горгий видел в речи ту же самую магию, которая проявлялась в религиозной поэзии или в исцеляющих заклинаниях дорациональных знахарей [9: 22]. Если это так, то горгиевы фигуры следует рассматривать в инструментальном плане – как особые приспособления, с помощью которых он стремился 'творить' свою магию. Это пафосные техники, которые возбуждают страсти или овладевают умом и побуждают слушателя к бессознательному согласию с говорящим.

Мнение о Горгии как о маге, по-видимому, подтверждается общей реакцией на него в древности. Его считали именно ритором, а не философом, а цитаты или ссылки на него у древних писателей в основном относятся к речам. Более того, у Платона он вовсе представлен совершенно неспособным к умозрительным построениям или к рефлексии над тем, что он делает [3].

Однако некоторые ученые XX в. считают, что Горгий был серьезным философом, интересовавшимся онтологией и эпистемологией и находившимся под влиянием пифагорейцев и Эмпедокла [6: 12]. Горгий разделяет с философами интерес к противоположностям и любовь к антитезису. Что еще более важно, его трактат «О несуществующем» («О природе»), который сохранился в виде набросков, можно рассматривать как серьезную попытку рационализации логического рассуждения, т. е. дает выход в современную аргументологию, особенно в серийный аргумент, который можно представить как условно-категорический силлогизм или даже в виде цепочки Оговорок (Rebuttals), в терминологии С. Тулмина – (см.: [1: 11]): Горгий утверждает, что ничего не существует, что даже если что-то и существует, оно непостижимо для человека, и даже если бы это было постижимо, его было бы невозможно передать. Этот аргумент подкрепляется выявлением и устранением альтернативных возможностей (это важно с точки зрения применимости параметра лингвистической значимости к облигаторным дискурсивным макрофункциям из уже упомянутой римской пентады). Такой способ рассуждения, а главное, его семантическая составляющая, может, в известном отношении, быть расценена как методологическое обоснование философского принципа, а именно: ‘поскольку истина не может быть познана рационально, функция субъекта (оратора) заключается не в логическом доказывании (логосном дискурсе), а в эмоциональном представлении (пафосном дискурсе), которое пробудит в аудитории желание верить оратору’.

Философский подход к Горгию, ценный тем, что он связан с другими интеллектуальными достижениями 5 в. до н. э., возможно, преувеличивает его интеллектуальную изощренность и приписывает ему нехарактерную силу концептуализации. Горгий подражал тому, что он находил в философах и в поэтах, но он брал от них идеи не как эпистемологические постулаты, а как возможности техники речи. В целом, значимость Горгия для теории языка и прикладной лингвистики видится в том, что он был первым, кто предпринял попытку концептуализации риторических средств, которые мы теперь именуем тропами и фигурами речи.

До-сократическое направление в риторике, конечно же, не исчерпывается именами Антифона и Горгия (см. об этом: [5]), однако эти ученые дали мощнейший толчок к развитию интеллектуального осмысления публичного дискурса, за что им – превеликая благодарность от нас, потомков.

Список литературы

1. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. М., Калуга: Ин-т психологии РАН, 1994. 220 с.
2. Васильев Л.Г., Неборская В.В., Садыкова М.А. К ориентационным принципам риторических руководств // Казанская наука. 2022. № 9. С. 110–112.
3. Платон. Горгий. URL: <https://royallib.com/read/platon/gorgiy.html#0>.
4. Платон. Диалоги. URL: https://vk.com/doc4605748_437248458.
5. Суриков И.Е. Научный комментированный перевод корпуса речей оратора Антифонта. URL: <https://simposium.ru/ru/book/export/html/13543>.
6. Enos, R.L. The Epistemology of Georgias' Rhetoric: A Re-Examination // Southern Western Communication Journal. 1979. Vol. 42. Pp. 35–51.
7. Kennedy, G.A. Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980. 291 p.
8. Mommsen, Th.E. (1942). Petrarch's Conception of the 'Dark Ages'. Speculum (Cambridge MA: Medieval Academy of America). 1942. Vol.17. No. 2. P. 226–227.
9. Romilly, J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. N.Y. etc.: Harvard Univ. Press, 1973. 108 p.
10. Rüegg, W. Foreword. The University as a European Institution // A History of the University in Europe. Vol. 1: Universities in the Middle Ages. Cambridge: University Press, 1992. Pp. XIX–XX.
11. Toulmin, S. The Uses of Argument. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1958. 415 p.
12. Untersteiner, M. The Sophists / Transl. by K. Freeman. Oxford: Blackwell, 1954. 368 p.

Об авторах:

ВАСИЛЬЕВ Лев Геннадьевич – д-р филол. наук, проф., зав. каф. лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (248023, Калуга, ул. С. Разина, 26), e-mail: argumentation@mail.ru

МЕЛЬНИЧУК Наталия Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент каф. романо-германской филологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (MD-3300, Молдова, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128), e-mail: natki@inbox.ru

TOWARDS THE PRE-SOCRATIC PERIOD IN RHETORICAL TEACHINGS

L.G. Vasilev¹, N.V. Melnichuk²

¹K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga

²T.G. Shevchenko Pridnestrovien State University, Tiraspol

The article discusses the early period of the rise and elaboration of rhetoric in Ancient Greece. Methodological principles for studying rhetorical formation

are established, the sophistic trend and its didactic postulates are analyzed, a brief discussion of Antiphon's and Gorgias's approaches is given.

Keywords: *rhetoric, pre-socratics, sophistry, argumentation, didactics.*

About authors:

VASILIEV Lev Gennadievitch – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Foreign Languages, K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University (248023, Kaluga, S. Razina str., 26), e-mail: argumentation@mail.ru.

MELNICHUK Nataliia Vyatcheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology, T. G. Shevchenko Pridnestrovien State University (MD-3300, Moldova, Pridnestrovie, Tiraspol, 25 Ocyabra str., 128), e-mail: natki@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023

Подписана в печать 23.03.2023

© Васильев Л.Г., 2023

© Мельничук Н.В., 2023